

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ П. И. ЩУКИНА.

Отецъ мой весной и осенью ѣзжалъ за границу. Въ этихъ поѣздкахъ его сопровождали: я или братъ г-жи Гюбнеръ Карлъ Карловичъ Алланъ¹⁾, а впоследствии мои сестры Надежда, или Антонина, или братъ Дмитрій. Сборы отца въ заграничное путешествіе начинались приготовленіемъ дорожной корзины съ провизіей. Поваръ Егоръ приносилъ въ столовую блюда съ окорокомъ ветчины, ногой телятины, бычачьимъ языкомъ, рябчиками, цыплятами, солониной и т. д. Отецъ самъ наѣзывалъ куски, дѣлалъ бутерброды и укладывалъ въ корзину. Эта корзина была настолько велика, что въ нее входило еще нѣсколько бутылокъ краснаго вина и воды S-t-Galmier, бутылка вермута, банка съ паюсной икрой, банка съ вареньемъ, банка съ черносливомъ, приборы и салфетки²⁾. Заграницей случалось, что изъ за большихъ размѣровъ корзины насъ не пускали въ вагонъ, и происходили препирательства съ начальниками станцій; но въ концѣ концовъ все улаживалось. Бывало также, что на заграничныхъ желѣзныхъ дорогахъ мы садились не въ тотъ поѣздъ, или забывали свой багажъ на пограничной таможенѣ. Разъ какъ-то мы ѣхали изъ Парижа въ Лейпцигъ и ночью принуждены были выдти въ Кассель, потому что поѣздъ далѣе не шелъ, и только поутру мы могли продолжать путь; оказалось, въ Парижѣ сѣли не въ тотъ поѣздъ, вслѣдствіе чего въ Кассельскомъ вокзалѣ

1) Мой отецъ называлъ Аллана просто „Карломъ“ и говорилъ ему „ты“, а за глаза звалъ его „лаукомъ“. Будучи косымъ, Алланъ плохо видѣлъ, и когда наливалъ себѣ въ стаканъ вино или воду (чаще первое), то лилъ всегда мимо.

2) Эта запамятованность объясняется тѣмъ, что въ былое время ѣда въ Нѣмецкихъ гостиницахъ уже черезъ-чуръ не подходила къ Русскимъ желудкамъ. Помню, въ 1894 г. во Франкфуртѣ А. А. Половцовъ вздумалъ угостить обѣдомъ князя П. А. Вяземскаго и меня. Заплачено было щедро, а мы встали изъ-за стола чуть не голодные. П. Б.

пришлось лечь спать на скамейкахъ. Нашъ багажъ иногда оставался на какойнибудь пограничной таможи, потому что мы позабывали присутствовать при осмотрѣ. Отецъ прекрасно считалъ, и кельнеръ, которые имѣютъ обыкновеніе обсчитывать иностранцевъ, всегда имъ уличались. Такъ, въ Кенигсбергскомъ вокзалѣ одинъ кельнеръ при сдачѣ отцу денегъ хотѣлъ было его обсчитать; отецъ такъ раскричался, называя кельнера „шпицбубъ“, что хозяинъ бѣфета едва могъ его успокоить. Въ другой разъ, въ Триентѣ, въ гостинницѣ, за табльд'отомъ, гдѣ присутствовало много Австрійскихъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона, при обношеніи блюда съ волованомъ, вышло такъ, что намъ послѣднимъ подали это блюдо, и, какъ нарочно, вся начинка волована оказалась уже разобранной: отецъ поднялъ при всѣхъ такой шумъ, что хозяинъ гостинницы сталъ его успокоивать, и такъ какъ дѣло было передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ на лошадахъ въ Риву (на Гардское озеро), то хозяинъ, чтобы смягчить отца, далъ намъ въ дорогу запасъ провизіи. Бѣда, бывало, если гдѣ плохо или недостаточно кормили; даже дома, если экономка подавала чего-нибудь въ маломъ количествѣ, отецъ выходилъ изъ себя и кричалъ: „точно украла. что такъ мало подаешь“.

Отецъ, живя подолгу въ Парижѣ, самъ ходилъ въ складъ покупать минеральную воду S-t Galmier, которую постоянно пилъ*), и самъ относилъ обратно пустыя бутылки. Опасаясь, что въ гостинницѣ его письма не будутъ отправлены, отецъ самъ носилъ ихъ въ почтовое отдѣленіе. Прежде чѣмъ идти обѣдать за табльд'отъ въ Grand Hôtel, или въ Hôtel Continental, или въ Hôtel du Louvre, отецъ предварительно заходилъ въ каждую изъ нихъ и заставлялъ метръ-д'отеля читать себѣ обѣденное меню, и какой составъ блюдъ приходился отцу болѣе по вкусу, въ ту гостинницу мы и шли обѣдать. Иногда обѣдали мы въ Dîner de Paris, въ пассажѣ Joffroy, гдѣ за пять франковъ давали обѣдъ съ бутылкой обыкновеннаго или полбутылкой лучшаго вина...

Мнѣ вспоминается слышанный отъ В. С. Абакумова и Николая Михайловича Федюкина рассказъ, какъ встарину пили Московскіе купцы. Московскій городской голова Михаилъ Леонтьевичъ Королевъ, Алексѣй Ивановичъ Хлудовъ, Павелъ и Дмитрій Петровичи Сорокоумовскіе, Иванъ Ивановичъ Рогожинъ, Василій Гавриловичъ Куликовъ и Николай Ивановичъ Каулинъ ходили обыкновенно пить Шампанское въ винный погребокъ Богатырева, близъ Биржи, на Карунинской пло-

*) Воду S-t Galmier отецъ выписывалъ для себя въ Москву ящиками.

щади. Прежде всего Королевъ ставилъ на столъ свою шляпу-цилиндръ, затѣмъ начинали пить и пили до тѣхъ поръ, пока шляпа не наполнялась пробками отъ Шампанскаго; тогда только кончали и расходились...

Изъ семьи Петра Кононовича Боткина *) вышло нѣсколько даровитыхъ людей. Наболѣе выдающіеся изъ нихъ: писатель Василій Петровичъ (родился въ 1810 г.), медикъ Сергѣй Петровичъ (родился въ 1832 г.) и художникъ Михайлъ Петровичъ, самый младшій сынъ Петра Кононовича отъ второго брака (родился 26 Іюля 1839 г.). Михайлъ Петровичъ обладаетъ драгоцѣннѣйшимъ собраніемъ старинныхъ художественныхъ вещей. Надо имѣть много познаній, вкуса, терпѣнія и любви, чтобы собрать то, что собрано Михайломъ Петровичемъ. Это собраніе находится въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Острову, въ домѣ М. П. Боткина. Отчасти можно познакомиться съ собраніемъ и по роскошному изданію, напечатанному Михайломъ Петровичемъ въ 1911 году, въ Петербургѣ, у Голице и Вильборга. Михайлъ Петровичъ собиралъ въ продолженіи 50-ти лѣтъ; въ особенности прибрѣлъ онъ много вещей въ Италіи, гдѣ подолгу жилъ. Древній міръ прекрасно представленъ въ Боткинскомъ собраніи Греческими расписными вазами, терракотовыми статуэтками, масками, свѣтильниками, мраморными барельефами, слезницами, золотыми и другими вещами; старинныя картины работы замѣчательныхъ Итальянскихъ мастеровъ; коллекція Итальянской маіолики XV, XVI и XVII в.в. состоятъ изъ лучшихъ образцовъ этого искусства; художественная рѣзба по дереву принадлежитъ къ эпохѣ Итальянскаго Возрожденія; между старинной бронзой имѣются акваманилы XIII в. и болѣе сорока дверныхъ молотковъ (стукальцевъ); работы изъ слоновой кости, начиная съ VI в.; Итальянскія кожаныя издѣлія XV и XVI в. Боткинская коллекція золотыхъ Византійскихъ перегородочныхъ эмалей, вывезенныхъ изъ Грузіи, Сванетіи и Аѳона, единственная въ мірѣ, какъ по количеству, такъ и по разнообразію изображеній. Есть также вещи изъ старинной выемчатой эмали. Въ собраніи Русской финифти (эмали) находится между прочимъ замѣчательный, серебряный съ позолотой, наугольникъ отъ Евангелія, съ расписной финифтью, съ изображеніемъ Евангелиста Луки, работы Усольца-иконописца. Есть и нѣсколько, такъ рѣдко геперь попадающихся, серебряныхъ Сасанидскихъ вещей. Много у Михаила Петровича этюдовъ и эскизовъ художника А. А. Иванова, о

*) Это дѣдъ П. И. Щукина. П. В.

которомъ онъ издалъ въ 1880 году книгу: „Александръ Андреевичъ Ивановъ, его жизнь и переписка“. Немало картинъ написалъ и самъ Михайлъ Петровичъ, преимущественно религіознаго содержанія.

Вспоминаю, какъ послѣ всѣхъ моихъ путешествій было пріятно возвращаться къ отцу въ Парижъ или въ Виши. Съ какимъ удовольствіемъ я съ нимъ бесѣдовалъ, рассказывая о видѣнномъ и какъ заботливо относился онъ ко мнѣ! Этихъ свиданій съ отцомъ, послѣ моихъ экскурсій за границей, я никогда не забуду. Отцовская любовь казалась мнѣ всегда болѣе осмысленной, чѣмъ материнская; да и другой, болѣе искренней, болѣе безкорыстной я никогда не знавалъ...

У моихъ родственниковъ я встрѣчалъ Ивана Ильича Маслова, который управлялъ Московской Удѣльной Конторой и занималъ въ домѣ принадлежащемъ этому вѣдомству, на Пречистенскомъ бульварѣ, прекрасную, громадную квартиру. У И. И. Маслова останавливались И. С. Тургеневъ и М. Д. Скобелевъ¹⁾, когда они пріѣзжали въ Москву. И. И. Масловъ былъ скучнѣйшій человекъ. По смерти его, М. Д. Скобелевъ сталъ останавливаться въ гостиницѣ Дюссо. Въ ночь на 29 Іюня 1882 года Скобелевъ, находясь въ Москвѣ, былъ найденъ въ номерѣ гостиницы Англія на Петровкѣ—голымъ, связаннымъ и мертвымъ. Изъ гостиницы Англія тѣло его перевезли въ гостиницу Дюссо...²⁾.

Считаю умѣстнымъ вспомнить здѣсь о покойномъ Сергѣѣ Михайловичѣ Соловьевѣ, котораго хотя лично и не знавалъ, но о которомъ слышалъ отъ близкаго знакомаго. С. М. Соловьевъ происходилъ изъ духовнаго званія, что впоследствии сынъ его, Всеволодъ, замалчивалъ

¹⁾ Въ моемъ собраніи имѣются подаренныя мнѣ бывшимъ Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ Н. И. Гродековымъ бумаги М. Д. Скобелева, относящіяся въ особенности до Ахаль-Текинской экспедиціи, и нѣсколько записныхъ книжекъ Михаила Дмитриевича, которыя онъ называлъ „мерзавками“. Генераль-лейтенантъ Л. Н. Соболевъ подарилъ мнѣ Георгіевскій крестъ Михаила Дмитриевича, который онъ носилъ въ Турецкую кампанію, и красный съ синимъ карандашъ, которымъ Михайлъ Дмитриевичъ писалъ во время осады Геокъ-Теле. Отъ бывшаго начальника Московской Удѣльной Конторы И. А. Новикова я получилъ кокарду съ фуражки Скобелева.

²⁾ Я снялъ у тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстаго, когда получено было изъ Москвы извѣстіе о кончинѣ Скобелева. Графъ тутъ же распорядился, чтобы цензура не пропускала въ иностранныхъ газетахъ подробностей объ этой кончинѣ. Черезъ день графъ сообщилъ мнѣ, что когда докладывалъ Государю про Московское извѣстіе, Государь сказалъ: Мнѣ всегда казалось, что онъ не кончитъ просто. Въ день его кончины получилъ я отъ него письмо съ холатайствомъ за Минскаго архіерея. П. Б.

и даже пытался произвести свой родъ отъ какого-то Малороссійскаго дворянина Соловейчика. Сергѣй Михайловичъ рассказывалъ, что въ молодости отправился онъ какъ-то смотрѣть невѣсту; при входѣ въ ея квартиру на него бросилась собака. Обиженный Сергѣй Михайловичъ немедленно вернулся домой, сказавъ, что послѣ такого невѣжества не можетъ быть и рѣчи о сватовствѣ. Однажды у себя дома Сергѣй Михайловичъ, увидавъ на сынѣ Всеволодѣ бѣлый жилетъ, сказалъ: „бѣлые жилеты носятъ только дураки“; сынъ въ отвѣтъ указалъ отцу на присутствовавшего тутъ же Павла Алексѣевича Писемскаго (сына писателя), бывшего тоже въ бѣломъ жилетѣ. „Господинъ Писемскій въ гостяхъ“, нашелся отвѣтить Сергѣй Михайловичъ. Разъ одинъ мой знакомый жаловался Сергѣю Михайловичу на нервное разстройство; С. М. Соловьевъ отвѣтилъ: „противъ нервовъ прекрасна *березовая каша*“. Сергѣй Михайловичъ читалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ монотонно, тихо, съ полузакрытыми глазами, такъ что многіе студенты засыпали. Однажды, читая о Петрѣ Великомъ, онъ вдругъ возвысилъ голосъ, приводя слова Петра: „проснитесь! что вы спите!“ Дремавшіе студенты невольно встрепенулись.

Въ 80-хъ годахъ я познакомился съ Алексѣемъ Васильевичемъ Орѣшниковымъ, однимъ изъ хранителей Историческаго Музея въ Москвѣ. Началось это знакомство съ того, что я принесъ въ Историческій Музей, къ А. В. Орѣшникову, какъ къ свѣдующему нумизмату, нѣсколько монетъ для ихъ опредѣленія. Потомъ я сталъ видѣться съ А. В. Орѣшниковымъ въ Сибирскомъ подворьѣ, на Варваркѣ, гдѣ онъ имѣлъ комиссіонерскую контору по продажѣ кожевеннаго товара, а также сталъ бывать у него въ домѣ, на Садовой, у церкви Ильи Пророка. А. В. Орѣшниковъ былъ центромъ, гдѣ собирались тогда извѣстные Московскіе нумизматы: Андрей Николаевичъ Лѣвиновъ (+), Іосифъ Ивановичъ Горнунгъ (+), Павелъ Васильевичъ Зубовъ, Михайлъ Прововичъ Садовскій (+), Александръ Андреевичъ Корзинкинъ и Владимиръ Константиновичъ Трутовскій. Въ семьѣ Алексѣя Васильевича провелъ я не одинъ пріятный вечеръ. Черезъ А. В. Орѣшникова я купилъ у Чудновскаго (изъ Кіева) коллекцію древнихъ Римскихъ монетъ. Сдѣлался я также членомъ Московскаго Нумизматическаго Общества и сталъ бывать на засѣданіяхъ этого общества, обыкновенно происходившихъ по вечерамъ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, на Берсеневкѣ.

По рекомендаціи П. В. Шумахера навѣстилъ я старую оперную пѣвицу, пользовавшуюся когда-то извѣстностью, Дарью Михайловну

Леонову, жившую на Бронной; она показала мнѣ много интересныхъ Японскихъ вещей, вывезенныхъ ею изъ Японіи, гдѣ она пѣла у микадо.

Въ Москвѣ я продолжалъ собирать книги, которыя покупалъ въ книжныхъ магазинахъ Глазунова, Готье и Ланга, а также у букинистовъ. У Глазунова служилъ въ прикащикахъ Петръ Петровичъ Жариновъ, отличавшійся способностью отыскивать рѣдкія книги. На Никольской, въ такъ называемомъ „Проломѣ“, гдѣ церковь Троицы въ Поляхъ, и не доходя Проломныхъ воротъ, ютятся и теперь, какъ и прежде, лавочки букинистовъ; но самыхъ типичныхъ букинистовъ, торговавшихъ въ этомъ „Проломѣ“, уже нѣтъ. Я говорю о Платонѣ Львовичѣ Байковѣ и Аеанасіи Аеанасьевичѣ Астаповѣ. Первый давнымъ давно умеръ, а второй уже нѣсколько лѣтъ какъ ликвидировалъ свое дѣло и нашелъ себѣ пристанище въ книжной лавкѣ Фадѣева на Моховой. Лавочка Байкова находилась ближе къ Никольской и, будучи темной, освѣщалась и днемъ сильно коптѣвшей керосиновой лампой, висѣвшей на потолкѣ. Старикъ Байковъ, съ большимъ горбатымъ носомъ, въ пенснэ, страшно ругался, когда узнавалъ, что продешевилъ какую-нибудь книгу. Такъ однажды онъ продалъ старинную рукописную книгу сказокъ Боккачіо, современную автору, писанную на пергаментѣ, съ миниатюрами, за 800 рублей коллекционеру Мих. Мих. Зайцевскому*), а послѣдній ее кому-то перепродалъ за нѣсколько тысячъ рублей. Байковъ долго не могъ забыть этой продажи, бранилъ и проклиналъ Зайцевскаго, на чемъ свѣтъ стоитъ. Байковъ, кромѣ книжной торговли, занимался продажей серебра, фарфора, мебели и другихъ вещей, которыя скупалъ по домамъ. Лавочка А. А. Астапова находилась ближе къ Проломнымъ воротамъ, а самъ онъ жилъ рядомъ съ лавочкой, въ миниатюрномъ помѣщеніи, которое такъ было заставлено полками и шкафами съ книгами, что въ немъ едва можно было повернуться. А. А. Астаповъ, небольшого роста, горбатый, самъ страстный любитель книгъ, хорошо зналъ многихъ Русскихъ библіофиловъ, о которыхъ любилъ рассказывать. Андрей Александровичъ Титовъ купилъ у Астапова богатое собраніе рукописей покойнаго профессора Осипа Максимовича Бодянскаго. Но не однѣ рѣдкія книги и рукописи встрѣчались у Астапова; попадались иногда и другія вещи. Помню, я видѣлъ у него прекрасный портретъ, писанный масляными красками,

*) Послѣ смерти М. М. Зайцевскаго, я купилъ у его сына, Ивана Михайловича, присяжнаго повѣреннаго, вѣрѣ пятидесятихъ годовъ XIX ст., съ живописью Французскаго художника А. Soldé.

масона и писателя Николая Ивановича Новикова. Мой братъ Дмитрій долго не могъ уговорить Астапова продать ему прелестную постель XVIII в., работы Франсуа Бушэ, изображающую погрудный портретъ молодой женщины. Интересно прослѣдить Одиссею этой постели: какъ она, написанная Буше для фаворотки Людовика XV и своей ученицы маркизы Помпадуръ, попадаетъ изъ Парижа въ скромную лавочку букиниста въ Москвѣ. Отъ маркизы Помпадуръ постель перешла къ ея брату, маркизу de Maigny, а послѣ его смерти была продана въ Парижѣ съ аукціона; потомъ находилась въ Берлинѣ, у художника-гравера Даниила Ходовецкаго; на гравюрѣ Ходовецкаго „Cabinet d'un peintre“, представляющей его кабинетъ, изображена именно эта постель висящею на стѣнѣ; затѣмъ постель попала въ Берлинѣ на аукціонъ, а изъ Берлина—къ кому-то въ Россію и въ концѣ концовъ къ Астапову. Наконецъ моему брату удалось купить ее у Астапова за сто рублей и за ящикъ съ сотней Рижскихъ сигаръ. У А. А. Астапова же было два прекрасныхъ бюстика изъ бѣлаго бисквитнаго фарфора, изображающіе императора Александра I и императрицу Елисавету Алексѣевну; въ настоящее время Астаповъ пожертвовалъ ихъ въ Музей 1812 года, и они находятся пока въ складѣ этого Музея, въ Потѣшномъ дворцѣ. Неказисты были эти холодныя, неоттапливаемые, книжныя лавочки въ „Проломѣ“; но коллекціонерамъ онѣ были дѣроги, такъ какъ иногда они находили тамъ рѣдчайшія вещи. На Никольской, близъ Греческаго монастыря, подъ воротами, у букиниста, торговавшего книгами и лубочными картинами, я купилъ однажды за пять рублей „Народныя Русскія легенды“ А. Н. Аванасьева, считающіяся библиографическою рѣдкостью.

На воскресный торгъ у Сухаревой башни аккуратно ходили нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ и пріятелей: И. Е. Забѣлинъ, В. К. Вульфъ, М. О. Вивьенъ и др. Я же бывалъ изрѣдка и если бывалъ, то всегда заходилъ къ торговавшему тамъ въ лавкѣ глухонѣмому букинисту, съ которымъ приходилось объясняться съ помощью писанья на аспидной доскѣ. М. О. Вивьенъ купилъ однажды у Сухаревой за безцѣнокъ карандашный рисунокъ П. Соколова, изображающій три дѣтскія головки, и продалъ его мнѣ. Этотъ рисунокъ увидалъ у меня С. С. Стрекаловъ и попросилъ уступить ему: оказалось, что на рисунокѣ были изображены самъ С. С. Стрекаловъ и его братья въ дѣтствѣ. Взамѣнъ Соколовскаго рисунка Стрекаловъ прислалъ мнѣ первый и самый интересный изъ четырехъ томовъ сочиненія В. Laborde'a „Choix de chansons mises en musique“, съ гравюрами Moreau le Jenne (изд. 1773 г.). Случалось, что я находилъ рѣдкія книги у букинистовъ и

на Красной площади, во время „Вербь“. Разъ, на Смоленскомъ рынкѣ, въ зданіи, гдѣ преимущественно торгуютъ мясомъ, я купилъ у букиниста нѣсколько томовъ сочиненій „Restif de la Bretonne'a“ съ гравированными картинками Vinet.

Въ 1882 году для Всероссійской промышленной выставки¹⁾, на Ходынскомъ полѣ, выстроили превосходное, громадное, круглое зданіе изъ желѣза и стекла. Были выстроены еще отдѣльные павильоны. Въ этомъ же зданіи въ 1893 году Французы устроили свою выставку. Къ сожалѣнію, въ послѣдствіи это зданіе было разобрано и отправлено въ Нижегородскую ярмарку для устройства въ немъ въ 1896 году тоже, Всероссійской выставки. Такимъ образомъ Москва лишилась прекраснаго постоянного выставочнаго зданія, которое могло бы служить для будущихъ выставокъ. Недешево обошлись разборка, перевозка и опять постановка выставочнаго зданія близъ ярмарки. Послѣ закрытія Нижегородской выставки дальнѣйшая судьба зданія была печальна: долгое время оно стояло пустымъ, съ разбитыми стеклами, и въ концѣ концовъ было продано за безцѣнокъ. Между прочимъ часть выставочнаго зданія купила транспортная контора „Надежда“ и устроила изъ него склады на ярмаркѣ, на Сибирской пристани²⁾.

Аванасій Аванасьевичъ Феть очень добивался получить чинъ камергера, и какъ только этого достигъ, немедленно заказалъ себѣ мундиръ. Въ камергерской формѣ А. А. Феть поѣхалъ показаться къ Боткинымъ на Покровку. Софья Сергѣевна въ это время была больна, и когда Феть пріѣхалъ туда, то засталъ Софью Сергѣевну уже мертвой. А. А. Феть носилъ кожаные штилеты, сшитые гр. Л. Н. Толстымъ.

¹⁾ Въ Россіи первая выставка отечественной промышленности была въ 1829-мъ г. въ Петербургѣ, вторая—въ 1831-мъ году въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ. У меня имѣются каталоги той и другой выставки, а также акварельный рисунокъ и лубочная картинка Московской выставки 1831 года. На акварели изображенъ вестибюль Кремлевскаго дворца, гдѣ выставлены самовары, желѣзныя косы, проволока, сабельныя клинки, твацкіе станки и другія вещи. Вдали изображена лѣстница, раздѣленная перегородкой на двѣ половины: по одной половинѣ публика поднимается вверхъ, по другой спускается внизъ. На лубочной картинкѣ представлено посѣщеніе выставки 2 Ноября 1831 года императоромъ Николаемъ I, императрицей и наслѣдникомъ со свитой; длиннородные кунцы съ медалями на шеѣ стоятъ за прилавками, на коихъ разложены разныя ткани, и одинъ изъ купцовъ подноситъ императрицѣ или шаль, или шарфъ; что именно, трудно разобрать.

²⁾ В. А. Кокоревъ предлагалъ министру финансовъ Грейгу не разбирать это выставочное зданіе, а обратить его въ общій для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ Москвы вокзалъ. П. Б.

При вѣскѣ они сильно скрипѣли. По словамъ Аѳанасія Аѳанасьевича, Левъ Николаевичъ сшилъ эти штиблеты вмѣстѣ съ сапожникомъ, его обучавшимъ. За матерьялъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ заплатилъ самъ. По смерти А. А. Фета моя тетка Марья Петровна поставила эти штиблеты въ кабинетъ покойнаго подъ стеклянный колпакъ. Въ настоящее время они находятся у Ильи Семеновича Остроухова.

Павелъ Лукичъ Пигулинъ не отличался набожностью и никогда не говѣлъ. Когда же онъ былъ на казенной службѣ, и отъ него требовали ежегодно свидѣтельства о говѣннѣ, то онъ получалъ его отъ знакомаго священника изъ Троице-Сергіевскаго посада. Павелъ Лукичъ возмущался, почему въ церковь кошекъ пускаютъ, а собакъ нѣтъ; также находилъ страннымъ, что, когда варятъ муро, то въ прованское масло вливаютъ большое количество бѣлаго вина, которое несоединимо съ масломъ. Однажды лѣтомъ мимо Пигулинской дачи въ Марьиной слободкѣ проходилъ священникъ. Пигулинскій песъ Болванъ изъ подъ воротъ залааялъ на батюшку, а тотъ сталъ совать подъ ворота свою палку съ серебрянымъ набалдашникомъ и совалъ ее до тѣхъ поръ, пока собака не выхватила у него палку и не убѣжала. За полученіемъ обратно палки священнику поневолѣ пришлось обратиться къ Павлу Лукичу, который конечно велѣлъ отдать палку, причемъ замѣтилъ батюшкѣ, что „нехорошо дразнить собакъ“. Пигулинъ рассказывалъ, что когда онъ служилъ въ Екатерининской больницѣ, то во время бывшей въ Москвѣ холеры въ 1848 году отпускалось для больныхъ Шампанское; но послѣднимъ оно было не по вкусу, и они предпочитали пить клюквенный морсъ. Шампанское же выпивали врачи. Онъ же рассказывалъ, что однажды за актеромъ Д. Т. Ленскимъ долженъ былъ заѣхать одинъ изъ его пріятелей, чтобы ѣхать вмѣстѣ обѣдать. Но Ленскій напрасно его прождалъ и потомъ узналъ, что пріятель уѣхалъ въ Кусково. По этому случаю Ленскій написалъ пріятелю: „ты уѣхалъ въ Кусково, а меня оставилъ безъ куска“.

Московскій генераль-губернаторъ князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ, живя лѣтомъ въ Москвѣ, любилъ кататься въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ иногда сиживалъ на скамейкѣ вмѣстѣ съ своимъ чиновникомъ особыхъ порученій, толстякомъ Юріемъ Всеволодовичемъ Мерлинымъ*). 1-го Мая князь В. А. Долгоруковъ ѣздилъ на гулянье въ Сокольники. Архитекторъ Алексѣй Александровичъ Мартыновъ подарилъ князю свою книжечку „Названія Московскихъ улицъ и

*) Ю. В. Мерлинъ собиралъ старинныя вещи, и у него было много замѣчательныхъ.

переулковъ съ историческими объясненіями¹⁾. По этой книжечкѣ Владимиръ Андреевичъ нерѣдко экзаменовалъ во время обѣда своихъ гостей. „Скажите“, спроситъ онъ кого-нибудь изъ нихъ. „почему такая-то улица въ Москвѣ называется такъ-то? Не знаете? А я вамъ скажу“. И Владимиръ Андреевичъ, на основаніи книжечки Мартынова, объяснялъ причину, почему улица такъ называется. Красавица Марья Семеновна Пустовалова пользовалась у князя Владимира Андреевича большимъ расположеніемъ, благодаря чему она не разъ выручала своего мужа Константина Александровича²⁾ изъ разныхъ непріятностей. Князь В. А. Долгоруковъ умеръ въ Парижѣ, почти всеміи забытый. Послѣ смерти князя многія его вещи были проданы съ аукціона. На старой площади у Ильинскихъ воротъ, въ лавочкѣ Сергѣя Тихоновича Большакова, я видѣлъ нѣсколько кожаныхъ футляровъ съ касками князя В. А. Долгорукова. Въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ имѣются три старинныя серебряныя братины, которыя принадлежали князю В. А. Долгорукову. Я самъ купилъ послѣ князя большой, серебряный золоченый съ крышкой стаканъ съ пестрой эмалью, художественной Аугсбургской работы, начала XVIII вѣка, и кинжалъ, на стальномъ клинкѣ котораго вырѣзана надпись: „Vendetta corsa“.

Михаилъ Михайловичъ Савостянъ былъ такъ любезенъ, что сообщилъ мнѣ интересныя свѣдѣнія о покойныхъ М. М. Зайцевскомъ и Ю. В. Мерлинѣ, которыя цѣликомъ здѣсь привожу.

„Михаила Михайловича Зайцевскаго“, пишетъ мнѣ М. М. Савостянъ, „я хорошо зналъ. Маленькаго роста, лысый, бритый, онъ былъ похожъ на Наполеона и сходствомъ этимъ очень гордился. Карьера его началась службой при Большомъ театрѣ, въ качествѣ капельдинера при артистахъ. Какъ-то дирекція сдѣлала аукціонъ старыхъ костюмовъ и бутафорій; Зайцевскій костюмы купилъ, вѣроятно, задаромъ, хорошо нажилъ, и это обстоятельство сдѣлало его старьевщикомъ окончательно. Сталъ онъ ходить подъ Сухаревку; тогда было просто: бары посылали своихъ лакеевъ продавать вещи съ рукъ. Какъ-то Зайцевскій у Сухаревой увидалъ лакея, продающаго рѣдкія книги; купилъ ихъ, узналъ адресъ владѣльца книгъ и приобрѣлъ очень дешево богатѣйшую бібліотеку. Чудный человѣкъ попался Зайцевскому жена—Олимпиада Ивановна. Когда онъ женился, она была мастерицей; затѣмъ открыла

¹⁾ Изъ „Русскаго Архива“. П. Б.

²⁾ К. А. Пустоваловъ былъ некрасивый, мало симпатичный человѣкъ. Въ одномъ юмористическомъ журналѣ были напечатаны автографы извѣстныхъ Москвичей, между прочимъ и К. А. Пустовалова: „По жентъ и я извѣстенъ“.

собственное дѣло и была первой портнихой, шила на Закревскихъ и всю тогдашнюю аристократію. Какъ любитель, Михайлъ Михайловичъ былъ оригиналь и никому не показывалъ вещей. Даже жена и дѣти, изъ коихъ старшій Иванъ Михайловичъ, былъ присяжнымъ повѣреннымъ, ничего не видали и познакомились съ коллекціей послѣ смерти Михаила Михайловича. Зайцевскій, большой охотникъ играть въ карты, какъ-то разъ забылъ дома ключи отъ флигеля, гдѣ хранились крупныя вещи коллекціи; онъ нарочно вернулся за ними изъ клуба. Во время коронаціи императора Александра III, великіе князья, иностранные принцы, наслышавшись о вещахъ Зайцевскаго, пріѣзжали посмотрѣть ихъ, но онъ нарочно съ утра удиралъ куда-нибудь, чтобы ничего не показывать, и пріѣзжающіе для осмотра получали всегда отъ Олимпиады Ивановны отвѣтъ, что мужъ ушелъ рано утромъ и вернется домой ночью. Каждую недѣлю онъ объѣзжалъ раза по два всѣхъ торговцевъ и всѣ рынки. Имѣлъ слабость, разъ торгуя вещь, во что бы то ни стало ее купить. Всѣ это знали и уже ни копѣйки не уступали. а нѣкоторые слѣдующій разъ спрашивали больше. Зайцевскій ругался, десятокъ разъ возвращался, но намѣченную вещь всетаки покупалъ. Разъ я попросилъ его взять меня съ собой, при объѣздѣ рынковъ и торговцевъ. Это началось такъ: я зашелъ къ нему; жилъ онъ въ Хлѣбномъ переулкѣ; отъ него мы взяли извозчика и поѣхали къ Университету, къ Горюнову, гдѣ купили икры. На Волконкѣ обошли всѣхъ часовщиковъ, посѣтили всѣ мебельныя лавки и у Александровскаго сада (въ то время тамъ попадались вещи). Затѣмъ поѣхали къ Сухаревой, тоже обошли всѣхъ, елико возможно, закусили купленной икрой въ трактирѣ и поѣхали на Нѣмецкій рынокъ, оттуда въ Таганку, къ Серпуховскимъ, къ Калужскимъ воротамъ и домой на Смоленскій. Эти поѣздки онъ совершалъ почти каждый день. Коллекція была удивительная; было все: громадная бібліотека (купилъ Готье) гравюры, въ томъ числѣ Англійскія, въ краскахъ, цѣлыми папками. Миниатюрами были увѣшаны цѣлыя стѣны. Эмали—часть выхватилъ М. П. Боткинъ, часть—Д. А. Постниковъ; теперь эти вещи Постниковскія находятся въ Музеѣ Императора Александра III, проданы мною. Мебель, бронза, фарфоръ Русскій и иностранный. Ковши и серебро были куплены княземъ Л. С. Голицынымъ, Веригинымъ и Четвертинскимъ. Только при теперешнемъ понятіи можно оцѣнить это сокровище. Вѣроятно въ вашей коллекціи есть много вещей отъ М. М. Лучшія же, какъ Боккачіо, ушли за границу. Дѣти ничего не знали и продавали лучшія маіолики Гамбургерамъ по 15 р. Чтобы имѣть деньги на покупку, Зайцевскій потихоньку продавалъ иностранцамъ, Вертгеймеру, Давису и др. О Зайцевскомъ расскажу слѣдующій случай, похожій на

анекдотъ. Всѣ знали страсть Зайцевскаго во что бы то ни стало достать вещь, которая ему нравилась; страсть эту торговцы эксплуатировали, а любители любили дразнить какою-нибудь рѣдкостью, зная, что подобной у Мих. Мих. нѣтъ. I. И. Горнунгъ далъ Бакастову какія-то рѣдкія двѣ копѣйки Варшавскаго монетнаго двора и сказалъ: „увидишь завтра Мишку, покажи монету и подразни его“. Бакастовъ встрѣтилъ Зайцевскаго у Сухаревой на торгу и говоритъ: „посмотри, М. М., какую вещь я нашелъ“. — „А, гдѣ взялъ? продай!“ — „Да разбиралъ я сегодня выручку на черной половинѣ трактира и нашелъ монету въ кассѣ“. Какъ Зайцевскій ни приставалъ, чтобы продать ему монету, какъ ни ругался, говоря, что и нога его никогда въ трактирѣ не будетъ, но монету продать Бакастовъ не могъ и вечеромъ возвратилъ владѣльцу. Въ Понедѣльникъ опять всѣ собрались въ трактирѣ, смѣялись надъ Зайцевскимъ, который до самаго вечера клянчилъ монету. Часовъ въ одиннадцать появился Зайцевскій и, наскоро поздоровавшись, прямо обратился къ Бакастову: „покажи монету!“ Бакастовъ полезъ въ кошелекъ, сдѣлалъ испуганное лицо и сказалъ: „ахъ, какая досада, проходилъ я сегодня мимо Срѣтенскаго монастыря, да должно быть по ошибкѣ монету опустилъ въ кружку“. — „Ну прощай, сказалъ Зайцевскій, мнѣ некогда“. Прошелъ часъ, компанія все еще сидѣла, какъ вдругъ появляется Зайцевскій и ругаясь налетаетъ на Бакастова: „что же ты врешь! я сейчасъ былъ въ монастырѣ, далъ монаху три рубля, отпечатали кружку, но никакой монеты тамъ нѣтъ“. Надо было слышать тотъ хохотъ, который поднялся, видѣть всю суету и комичную фигуру Зайцевскаго, съ руками, унизанными кольцами съ камнями и съ такой же громадной булавкой. Зайцевскій убѣждалъ, годъ не ходилъ къ Бакастову, а потомъ конечно примирился“.

„Юрій Всеволодовичъ Мерлинъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ В. А. Долгоруковѣ, въ чинѣ камергера, и пользовался большимъ вліяніемъ. Думаю, что онъ давалъ деньги В. А. Только этимъ я могу объяснить его разореніе. Покупалъ Мерлинъ много, преимущественно картины, которыхъ у него было 400 шт.; было много у него рѣзныхъ камней, эмалей и т. п. Ковшгъ Салтанова, купленный Гейне, шель изъ коллекціи Мерлина. У него былъ кумъ, художникъ и реставраторъ картинъ, Ѳедоръ Яковлевичъ Борзенко*). Для того, чтобы продать что-нибудь Мерлину, надо было заплатить 10% Борзенко. Покупалъ Мерлинъ только на книжку и преисправно

*) Ѳ. Я. Борзенко я тоже знавалъ и покупалъ у него гравюры. Онъ жилъ на Лубянской площади.

платилъ 6⁰/₀ за долгъ, но деньги (самый капиталъ) получались съ трудомъ: ихъ у него всегда былъ недостатокъ. Красавецъ собой и атлетическаго сложенія, притомъ же колоссальная фигура, онъ былъ обиженъ природой: не былъ онъ настоящимъ мужчиной. Коллекція его въ то время стоила 315000 р.; онъ самъ мнѣ показывалъ опись и цѣны. Затѣмъ онъ ее заложилъ Королеву, и тамъ она пропала. Остатки ея попали Мараевой. Умеръ онъ гдѣ-то служа въ Петербургѣ и живя бѣдно, въ номерахъ. Лакей и его жена лѣтъ двадцать служили ему вѣрой и правдой, безъ жалованья; денегъ у него никогда не было. Все время онъ имъ говорилъ, что онъ ихъ осчастливитъ и далъ имъ конвертъ, строго наказавъ не вскрывать до его смерти и беречь какъ зеницу ока, обѣщая, что при соблюденіи этихъ условій они будутъ осчастливлены. Представьте же себѣ положеніе бѣдняковъ, когда они нашли въ конвертѣ что-то въ родѣ старой газеты. У нихъ я купилъ грамоту Петра, данную какому-то полку, и грамоту трехъ патриарховъ, въ томъ числѣ и Гермогена. Вещи эти находятся у васъ“.

*

Насталъ 1890-й годъ—самый тяжелый въ моей жизни. Въ этомъ году отецъ привелъ въ порядокъ могилу своего отца, находящуюся въ Москвѣ, на кладбищѣ Покровскаго монастыря, гдѣ погребено большинство моихъ родныхъ. Памятникъ на могилу моего дѣдушки былъ вновь сдѣланъ въ мастерской архитектора Кампиони (на Большой Дмитровкѣ) и поставленъ на мѣсто прежняго съ возобновленной надписью: „Подъ симъ камнемъ погребено тѣло раба Божія Московскаго купца Василія Петрова Щукина, скончавшагося 1836 года 24-го Апрѣля пополудни 2 часа. Житіе его было 80 лѣтъ. Тезоименитство его Апрѣля 12 дня“.

Осенью отецъ сталъ прихварывать. Незадолго до смерти ему было не совсѣмъ хорошо, но этому нездоровью особеннаго значенія никто изъ насъ не придавалъ. Въ Субботу 1 Декабря отецъ жаловался на недомоганіе, а въ Воскресенье 2 Декабря, во время обѣда, онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно; изъ столовой отецъ поднялся наверхъ, въ кабинетъ; скоро началась агонія, и нашъ добрый отецъ скончался въ присутствіи матери, братьевъ, Сергѣя съ женой, Дмитрія, Владимира, Ивана, меня и сестры Антонины съ мужемъ. Братъ Николай, пріѣхавшій ночью, уже не засталъ отца въ живыхъ. Еще позднѣе пріѣхали сестры Надежда изъ Тулы и Ольга изъ Новотаволжанки со своими мужьями. Отецъ умеръ отъ грудной жабы, на 73-мъ году своей жизни *). Нача-

*) Отецъ родился 17 Января 1817 года.

лись обычныя панихиды и приготовления къ похоронамъ. Швейцарь Егоръ Акимовичъ и поварь Егоръ Петровичъ, которымъ часто отъ отца доставалось, сами попросили, чтобы имъ позволили читать у гроба отца псалтырь, что конечно имъ разрѣшили, и они по очереди стали читать. 5 Декабря состоялись похороны въ приходской церкви Воскресенія Христова на Остоженкѣ. За отпѣваніемъ присутствовали: почетный опекунъ генераль-лейтенантъ А. А. Козловъ, городской голова Н. А. Алексѣевъ, гласные Думы, выборные купеческаго общества, члены Московскаго Учетнаго Банка, родные и много знакомыхъ. Было множество вѣнковъ, между прочимъ отъ К. Т. Солдатенкова „въ память 52-хъ лѣтней дружбы“ *). Отъ церкви Воскресенія Христова до Покровскаго монастыря гробъ отца несли на рукахъ рабочіе Чижовской артели, по собственному желанію. Похоронили отца близъ самой монастырской церкви.

Съ любезнаго дозволенія П. И. Щукина извлечено изъ четвертой части его „Воспоминаній“.

*) Отецъ подружился съ К. Т. Солдатенковымъ еще до своей женитьбы. Оба жили въ Москвѣ, въ Таганкѣ, и квартира отца состояла всего изъ двухъ комнатъ; въ одной стояли кровать и конторка, а въ другой—два ткацкихъ станка, на коихъ работалась кисея.